

О.И. Тиунов

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАУКА, ПРАКТИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация. Состоявшаяся в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ научная конференция «Реализация международных договоров Российской Федерации: наука, практика, эффективность» показала особенности реализации международных обязательств в условиях глобализации. В современный период международные договоры являются основой регулирования международного правопорядка. Они способствуют модернизации России, развитию интеграционных процессов, в которых она активно участвует. Анализ выступлений участников конференции продемонстрировал их высокий теоретический уровень, позволяющий постоянно обогащать практику применения международных договоров.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, роль договоров, международное и внутригосударственное регулирование, влияние глобализации, механизмы имплементации, судебные акты, права человека, соответствие законов международным обязательствам, отдельные сферы реализации договоров, правовые последствия охраны интересов.

14 ноября 2012 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ состоялась научная конференция: «Реализация международных договоров Российской Федерации: наука, практика, эффективность». В конференции участвовали научные работники Института, ряда научных учреждений, а также представители ведомств и учебных заведений Москвы и регионов России. Конференцию открыл заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, Член Европейской Ассоциации содействия законодательству В.И. Лафитский.

Он отметил, что конференции по проблемам международного права стали доброй традицией. Не так давно в Институте была проведена блестящая конференция, посвященная правовому статусу Арктики, а сейчас мы вновь возвращаемся к вопросам международного публичного права и тема сегодняшней конференции «Реализация международных договоров Российской Федерации: наука, практика, эффективность» является очень важной, затрагивает все отрасли права без исключения и оказывает прямое влияние на правоприменительную практику. Практически все отделы института на этой конференции представлены. В обсуждаемой теме можно найти очень много различных аспектов, в том числе касающихся международной защиты прав человека и гражданина, интеграционных межгосударственных объединений, и развития новых мировых устоев экономического правопорядка.

Отрадно, что в конференции участвуют представители не только международного публичного права, но и международного частного права. Программа

конференции предусматривает различные аспекты правового регулирования, требующих научной оценки. В.И. Лафитский открыл конференцию и предоставил слово О.И. Тиунову.

О.И. Тиунов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом международного публичного права Института определил цели конференции. Они касаются обсуждения проблемных вопросов реализации международных договоров Российской Федерации. В современную эпоху международные договоры стали главными источниками международного права. В условиях глобализации они являются базовой основой международного правопорядка, способствуют правовому регулированию глобального экономического пространства, противодействию терроризму, коррупции и другим преступлениям. Международные договоры способствуют модернизации современной России. Ее внешнеполитической курс нацелен на укрепление принципа добросовестного выполнения международных договоров (*pacta sunt servanda*). Актуален вопрос о роли этого принципа в системе основных принципов международного права. Необходимо также развивать теоретические аспекты способов выражения согласия государств на обязательность для них международных договоров, определение критериев «самоисполнимости» международных договоров. Необходима оценка значения норм внутригосударственного права для эффективной реализации договоров. Большое значение имеет разрешение вопросов о механизмах имплементации международных договоров в национальное законодательство. В конечном итоге важен анализ действия международных договоров России в ее правовой системе.

С приветствием в адрес участников конференции выступила заместитель председателя Международного союза юристов **Л.В. Носова**.

Она поблагодарила организаторов Конференции за приглашение принять участие в столь авторитетном мероприятии по проблемам, представляющим исключительный интерес для Международного союза юристов.

Л.Н. Носова подчеркнула, что международный договор является важным инструментом общения между народами и государствами. В связи с этим Устав и деятельность Международного союза юристов прежде всего направлены на развитие и укрепление международных связей, содействие объединению усилий юристов в формировании единого правового пространства, привлечение широкой юридической общественности к участию в международных правовых, гуманитарных и иных проектах и программах.

В последние годы Международный союз юристов осуществил ряд значимых мероприятий. Так, в мае 2011 г. по приглашению Международного института по унификации частного права (УНИДРУА) в Италии находилась с визитом делегация Международного союза юристов. В рамках визита проведен международный семинар «Унификация частного права (роль УНИДРУА). Международные коммерческие контракты. Судебная защита предпринимательства». Организаторами семинара выступили Международный союз юристов и Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА) при участии торгового представительства РФ в Итальянской Республике.

В сентябре 2011 г. в столице Азербайджана городе Баку состоялся очередной постоянно действующий Международный семинар по актуальным проблемам современного правосудия «АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ», организованный в том числе Конфедерацией юристов Азербайджана, Международным союзом юристов, Ассоциацией судей и прокуроров Федерального Верховного Суда Германии.

В рамках мероприятий, посвященных 50-летию Сербского объединения уголовной теории и практики, в Белграде 21–22 ноября 2011 г. прошла международная конференция «Европейская интеграция и международное сотрудничество», в которой приняли активное участие представители Международного союза юристов.

Приведенные примеры являются небольшой составляющей работы, которую планомерно осуществляет на международной арене Международный союз юристов, объединяющий общественные организации юристов стран СНГ и дальнего зарубежья. При этом важно подчеркнуть, что все значимые проекты и мероприятия Международного союза юристов осуществлялись со-

вместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Участие руководителей и ученых Института несомненно способствовало их высокому уровню и авторитету.

Л.Н. Носова выразила уверенность, что Конференция станет существенным вкладом в сотрудничество Международного союза юристов и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ **С.Н. Бабурин** свое выступление посвятил правовым и геополитическим последствиям договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о государственной границе от 24 октября 1997 г.

В мае 2003 г. он был ратифицирован Парламентом России, 9 июня 2003 г. закон о ратификации договора подписал Президент РФ, затем был произведен обмен ратификационными грамотами. Договор определил и закрепил на топографических картах линию прохождения государственной границы между Россией и Литвой¹.

29 марта 2004 г. Литва, Латвия и Эстония были приняты в НАТО.

Согласно Постановлению Верховного Совета РСФСР от 4 ноября 1992 г., границам России с Литвой, Латвией и Эстонией правовой статус государственной границы РФ придан лишь «до заключения договора о государственных границах» с этими странами.

Международное сообщество на примере современной границы между ФРГ и Польшей, создало важный международно-правовой прецедент, когда даже ранее официально признанные границы государств были легитимированы только после прохождения определенных этапов решения этого вопроса: в ст. 1 Договора между ГДР и Польшей от 7 декабря 1970 г. граница между договаривающимися сторонами была закреплена по линии Одера-Нейсе, но, как ныне признано, «об отказе от территории могла заявлять только Объединенная Германия»². И линия государственной границы современной Германии и современной Польши была вновь переустановлена в 1990 г., после объединения ФРГ и ГДР.

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного и европейского права ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» **А.И. Абдуллин** посвятил свой научный доклад реализации международных договоров РФ в сфере интеллектуальной собственности. Он подчеркнул важность такой оставляющей человеческого бытия как интеллек-

¹ См.: <http://www.rosgranitsa.ru/node/963>

² Международное право = Volkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум и др. С. 268.

туальная (творческая) жизнь индивида. В связи с этим совершенно естественно, что право, будучи социальным феноменом, призвано предоставить надлежащую охрану, посредством своего особого механизма регулирования общественных отношений, тем результатам творчества, что создаются человеческим гением.

Ныне, в начале XXI в., можно говорить о так называемой *полисистемности* правовой охраны результатов творческой деятельности, включающей несколько уровней — международный универсальный, международный региональный и национальный уровни правовой охраны интеллектуальной собственности.

Особую роль в формировании системы международно-правовой охраны интеллектуальной собственности играет ООН и ее специализированные учреждения — Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Уже в основных фундаментальных актах о правах человека, принятых под эгидой ООН, нашла закрепление идея о необходимости надежной правовой защиты результатов творческой деятельности человеческого индивида. Это, прежде всего, Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.³ и Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁴

Однако наиболее значительную роль в формировании и развитии международно-правовой охраны интеллектуальной собственности играют специализированные учреждения ООН — Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

С момента своего создания 4 ноября 1946 г. ЮНЕСКО активно стала заниматься и вопросами правовой охраны интеллектуальной собственности и, прежде всего, авторского права и смежных прав. Так, в частности, под эгидой этой организации были разработаны и приняты Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г. (Женевская конвенция) (пересмотренная в 1971 г.), Международная конвенция об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. (Римская конвенция) и другие акты, сыгравшие значительную роль в прогрессивном развитии правовой охраны интеллектуальной собственности. В указанных соглашениях участвует и Российская Федерация.

Главная роль и пальма первенства в сфере формирования системы международно-правовой охраны ин-

теллектуальной собственности принадлежит другому специализированному учреждению ООН — Всемирной организации интеллектуальной собственности.

ВОИС стала специализированным учреждением ООН 17 декабря 1974 г. с признанным государствами-членами ООН мандатом на осуществление административного управления вопросами интеллектуальной собственности. (резолюция 3346 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН).

В настоящий момент ВОИС является, по сути, универсальной международной организацией в сфере интеллектуальной собственности, членом которой на 1 января 2012 г. являются 184 государства.

ВОИС осуществляет административные функции 24 международных договоров, касающихся различных аспектов охраны интеллектуальной собственности.

Российская Федерация принимает участие в большинстве договоров в сфере интеллектуальной собственности, принятых под эгидой ВОИС. Среди принятых в последние годы, это, прежде всего:

- Договор о законах по товарным знакам (ТЛТ) 1994 г.;
- Договор ВОИС по авторскому праву (ДАП) 1996 г.;
- Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДИФ) 1996 г.

А.И. Абдуллин проанализировал отношения ЕС и РФ в сфере интеллектуальной собственности.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное между Европейским Союзом и Россией в 1994 г. и вступившее в силу с 1 декабря 1997 г.,⁵ охватывает собой три области взаимодействия, включая политический диалог, экономическое и культурное сотрудничество⁶. Специальный раздел и ряд приложений к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве посвящены вопросам охраны интеллектуальной собственности. Так, например, ст. 54 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве закрепляет важность обеспечения должного уровня эффективной охраны и обеспечения реализации прав интеллектуальной собственности, подтверждая значимость обязательств, вытекающих из целого ряда международных универсальных соглашений об охране интеллектуальной собственности как для стран-членов ЕС, так и для Российской Федерации. Указанное выше обязательство РФ актуализируется

⁵ Дипломатический вестник. 1994. № 15/16. С. 29–59.

⁶ О Соглашении см. подробнее: Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия: проблемно-тематический сборник / гл. ред. Т.Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 1997; Барчукова, Н.К. Договорно-правовое регулирование партнерства и сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией / Н.К. Барчукова // Московский журнал международного права. 1998. № 1. С. 3–11; Пашенко, О.В. Россия и Европейский Союз: проблемы взаимоотношений / О.В. Пашенко // На рубеже веков. 1998. № 1. С. 14–22.

³ Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

⁴ Пакт вступил в силу 3 января 1976 г. В нем участвуют 130 государств, в том числе Россия — с 3 января 1976 г.

в контексте вступления нашей страны во Всемирную торговую организацию.

Следует отметить, что Часть Четвертая Гражданского кодекса РФ (Раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации») в значительной степени вбирает в себя европейский опыт правовой охраны интеллектуальной собственности и во многом основана на действующих положениях нормативных актов Европейского Союза в сфере интеллектуальной собственности (большей частью, в сфере авторского права и смежных прав).

К новеллам Части четвертой ГК РФ следует отнести охрану исключительного смежного права публикатора, то есть гражданина, который впервые обнародовал произведение литературы, науки или искусства, отвечающее требованиям, предъявляемым Кодексом к объектам авторского права, но не опубликованное в течение срока действия авторского права и перешедшее поэтому в общественное достояние, либо вообще никогда не охранявшееся авторским правом (§ 6 главы 71).

Вместе с тем, часть четвертая ГК РФ не отражает многих тенденций в развитии права интеллектуальной собственности в ЕС, в особенности, в сфере права промышленной собственности. Так, например, в Части четвертой ГК не нашел отражение европейский опыт в сфере правовой охраны биотехнологических изобретений и др.

А.И. Абдуллин определил *некоторые проблемы, связанные с несоответствием норм российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности ряду международных договоров РФ. Он внес ряд предложений.*

1) Необходимо привести *перечень объектов* интеллектуальных прав, закрепленных в ст. 1225 ГК РФ, в соответствии с *нормами международного права* (включить в этот перечень *открытия, рационализаторские предложения, защиту от недобросовестной конкуренции*), а сам этот перечень необходимо *сделать открытым*, что в большей степени соответствовало бы положениям ст. 2 Конвенции, учреждающей ВОИС;

2) Как известно, одной из центральных проблем, связанных с кодификацией законодательства об интеллектуальной собственности, являлось более четкое *определение места результатов интеллектуальной деятельности в ряду иных объектов гражданских прав* и установление их правового режима. Статья 128 ГК РФ гласит, что термином *«интеллектуальная собственность»* охватываются не права на результаты интеллектуальной деятельности, а сами эти результаты и приравненные к ним средства индивидуализации.

Провозглашение результатов интеллектуальной деятельности интеллектуальной собственностью противоречит международным соглашениям РФ. В соответ-

ствии с п. viii ст. 2 Конвенции, учреждающей ВОИС, интеллектуальная собственность — это *прежде всего права*, а точнее, совокупность прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела международного публичного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **В.Р. Авхадеев** в своем выступлении осветил современные проблемы реализации и перспективы развития российско-норвежских соглашений о делимитации морских пространств в Арктике.

Российская Федерация и Королевство Норвегия являются соседними государствами и имеют друг с другом общую государственную границу: как на суше, так и в водном пространстве — акватории Баренцева моря. Соседство двух государств предопределило не только их сотрудничество, но и ряд существенных разногласий, касающихся, прежде всего, территориальной юрисдикции. Спорные вопросы касаются территориальной юрисдикции не только указанной выше акватории, но и территории Архипелага Шпицберген. Уникальность правового статуса территории Шпицбергена заключается в том, что с одной стороны она является частью норвежской государственной территории, а с другой стороны — регулируется специальным международным соглашением⁷. Соответственно, разногласия, возникающие между Россией и Норвегией, также относятся и к правовому режиму архипелажных вод Шпицбергена.

Спор о российско-норвежской границе в акватории Северного Ледовитого Океана возник еще в 1970-е гг. Смысл противоречий, возникших между СССР и Норвегией, заключался в том, что советская сторона проводила границу вдоль восточной части побережья Архипелага Шпицберген, а Норвегия, в свою очередь, полагала, что граница должна находиться равноудаленно от Шпицбергена, с одной стороны и Земли Франца-Иосифа и острова Новая Земля — с другой. Поскольку государства находились в дружественных отношениях, спор о линии прохождения границы редко вытекал в какие-либо акции, и только иногда происходили задержания российских рыболовецких судов правоохранительными и военными органами Норвегии, а уже в начале XXI в. происходили обратные процессы — задержания норвежских моряков представителями власти РФ.

Однако следует учитывать, что в Арктическом регионе Норвегия выступает в качестве наиболее перспективного стратегического партнера России. Она обладает весьма интересным для России опытом ис-

⁷ В данном случае имеется в виду Договор о Шпицбергене 1920 г., к которому Союз Советских Социалистических республик присоединился в 1935 г.

пользования значительных запасов углеводородов в политическом диалоге с другими странами, экологически безопасной и экономически обоснованной реализации сложных многосторонних проектов на шельфах северных морей. «Северный сосед» России далеко продвинулся в вопросах осмысления важности арктических регионов, как для развития мировых геополитических и экономических процессов, так и для решения насущных внутренних задач.

Наиболее серьезный шаг в направлении разрешения проблемы делимитации морских пространств был предпринят в 2010 г., когда между Российской Федерацией и Королевством Норвегия был заключен договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане⁸. Ратифицирован данный международный договор был в апреле 2011 г.⁹

Что касается реализации указанного Договора, то ее нужно рассматривать во взаимосвязи с иными международными соглашениями, регулирующими данный вопрос. Прежде всего, речь идет о Договоре о Шпицбергене 1920 г.,¹⁰ заключенном в г. Париже. В связи с заключением российско-норвежского Соглашения 2010 г. возникли ряд проблем, связанных с рыболовной деятельностью. Дело в том, что по данному Соглашению со стороны Норвегии была установлена исключительная экономическая зона около Архипелага Шпицберген, а в соответствии с Договором о Шпицбергене 1920 г., все воды, прилегающие к Архипелагу Шпицберген, являются открытыми для освоения странами-участницами Договора. Разумеется, данное обстоятельство применимо и к рыболовной деятельности.

Договор, заключенный между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г., создает трудности в реализации международно-правового статуса Шпицбер-

⁸ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (вместе с «Вопросами рыболовства»), «Трансграничными месторождениями углеводородов»: подписан в г. Мурманске 15.09.2010 // Бюллетень международных договоров. 2011. № 12. С. 79–85.

⁹ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане: федер. закон от 05.04.2011 № 57-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 апреля.

¹⁰ Договор о Шпицбергене: подписан в г. Париже 09.02.1920 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 53–61. Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 202–204.

гена, закрепленного в Договоре о Шпицбергене 1920 г., что может привести к фактическому дезавуированию позиции РФ о непризнании установленной Норвегией в одностороннем порядке 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена, а также наносит ущерб правовому статусу Полярных владений (Полярного сектора) РФ, установленному в 1926 г. Не вполне учитываются возможные значительные потери водных биологических ресурсов российской стороной, поскольку практическое применение Договора 2010 г. Норвегией может привести к вытеснению отечественного рыболовства из западных районов Баренцева моря и из района Шпицбергена.

В свете сказанного В.Р. Авхадеев призвал целесообразным пересмотреть Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, заключенный между Российской Федерацией и Королевством Норвегия 15 сентября 2010 г. и привести его в соответствии с ранее заключенными международными соглашениями. Прежде всего, необходимо обратить внимание на вышеупомянутый Договор о Шпицбергене 1920 г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российской академии правосудия **Е.А. Высторобец** коснулся состава, динамики и перспективных сторон двусторонних природоохранных договоров России. Рассмотрев политические, экономические, правовые параметры соглашений России докладчик сделал вывод, что целесообразно рассмотрение вопроса о заключении двусторонних природоохранных соглашений с Турцией, Азербайджаном, Италией, Чехией, Австрией.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Воронежского государственного университета **Д.В. Галушко** осуществил анализ применения общепризнанных принципов и норм международного права в практике Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Арбитражного Суда РФ. Он обратил внимание на то, что в российской правовой системе не дается расшифровки понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», хотя в законах оно употребляется довольно часто. Существуют лишь отдельные указания различных органов, какие документы или нормы считаются общепризнанными.

Так, Конституционный Суд РФ к общепризнанным принципам и нормам МП относит положения, закрепленные во многих международных договорах, однако, некоторые из них являются региональными, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Общепризнанные принципы и нормы международного права в практике Конституционного Суда РФ, используются как принципы, содержащиеся в актах ор-

ганов международных организаций, в том числе и региональных. В некоторых случаях, Конституционный Суд РФ ссылается на документы, которые к России не имеют непосредственного отношения, в частности, на акты Европейского Союза.

Верховный Суд РФ подходит к этой проблеме более осторожно. Пленум Верховного Суда общепризнанными принципами международного права считает его основные принципы, а нормами — любые нормы, признаваемые «международным сообществом государств в целом».

Что касается Высшего Арбитражного Суда РФ то в постановлении Президиума ВАС РФ от 03.10.2006 № 7057/06 к общепризнанным принципам и нормам МП были отнесены нормы Соглашения между Правительством РФ и Правительством Казахстана о принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле (Астана, 9 октября 2000 г.). Вряд ли с такой практикой можно безоговорочно согласиться.

При этом неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы МП может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права, отсутствуют единые критерии отнесения принципа или нормы к общепризнанным, а в процессе правоприменения эту категорию в полной мере раскрыть невозможно. Д.В. Галушко сделал вывод, согласно которому категория «общепризнанные принципы и нормы МП» является «оценочной». Использовать ее в правоприменительной деятельности необходимо крайне осторожно в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета **Р.Ш. Давлет-гильдеев** осветил вопрос реализации международных договоров РФ в области труда (региональный аспект).

Российская Федерация приняла на себя обязательства по ряду международных соглашений в сфере труда, в частности, 68 конвенций МОТ ратифицированы Российской Федерацией, из которых 58 являются обязательными для нашего государства.

Важнейшим региональным актом для российского трудового права являются Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Европейская социальная хартия, ратифицированная Российской Федерацией в 2010 г.

Кроме того, для России является обязательным ряд международных соглашений по вопросам трудовой ми-

грации, охране труда, социального обеспечения и др., заключенных в рамках СНГ и ЕврАзЭС.

Важным элементом реализации международных договоров является не только имплементация международного договора и издание соответствующего нормативного акта органами государственной власти и управления РФ, но и последующая правоприменительная практика. На этапе применения норм международных договоров в сфере труда возникает ряд вопросов, касающихся их толкования. Кроме того, если речь идет о применении в отечественных юрисдикционных органах норм внутреннего законодательства, основанных на международных обязательствах России, то остается неясным, может ли при этом учитываться толкование норм международного договора, послужившего основой для формулировки статьи законодательного акта.

Следуя разъяснениям Верховного Суда РФ в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст. 31–33).

Согласно п. «b» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В рамках международных обязательств в сфере труда, принятых Россией, необходимо учитывать деятельность контрольных органов, созданных международными организациями, по толкованию положений международных договоров. Речь идет о комитете экспертов по применению конвенций и рекомендаций, комитете по свободе объединения и комиссий *ad hoc*, предусмотренных уставом Международной организации труда, о Европейском комитете по социальным правам Европейской социальной хартии, а также о международных судебных органах: Европейском суде по правам человека и Экономическом суде СНГ.

Практика Европейского Суда по правам человека по защите трудовых прав в основном ограничивается применением ст. 4 и 11 Конвенции (запрет принудительного труда и право на объединение).

В частности, несомненный интерес применительно к российской практике представляют выводы, сделанные Европейским судом по делу *Van der Musselle v. Belgium*.

Статья 4 Трудового кодекса РФ содержит более узкую трактовку принудительного труда, чем это указано в ст. 4 Конвенции, определяя принудительный труд как

выполнение работы под угрозой наказания (насильственного воздействия), в то время как с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод мотив принуждения никак не учитывается. Кроме того, ТК РФ не упоминает и критерий отсутствия добровольного согласия на выполнение работы, получивший свое подтверждение в решении ЕСПЧ по делу Van der Musselle (жалоба 8919/80 от 23.11.1983).

Суд посчитал, что в данном случае нельзя усмотреть наличие важного признака принудительного труда — отсутствие добровольного согласия на выполнение работы, а, следовательно, при таком обстоятельстве не было и нарушения п. 2 ст. 4. Конвенции.

Такой вывод Европейского суда по правам человека соответствует правилу п. 1 ст. 2 Конвенции МОТ 1930 г. № 29 «О принудительном или обязательном труде» и должен приниматься в качестве обязательного российскими судами.

Ведущий научный сотрудник ИЗиСП, кандидат юридических наук **Д.О. Сиваков** проанализировал выполнение обязательств в области международного речного права (далее — МРП). В настоящее время правовое регулирование отношений между государствами и международными организациями по использованию водотоков и водоемов, касается территории двух и более государств. От регулирования судоходства и лесосплава международная договорная практика перешла к гидроэнергетике и аквакультуре.

Основным источником МРП является Хельсинкская конвенция 1992 г., посвященная трансграничным водотокам и международным озерам. Кроме того, по крупнейшим речным бассейнам и озерным системам заключаются соглашения приграничных государств (старейшее из них — Мангеймская конвенция по Рейну 1868 г.).

Д.О. Сиваков отметил, что важными достоинствами МРП, направленными на охрану трансграничных вод, являются положения об охране дна и берегов водоемов и водотоков от загрязнения, засорения, эрозионных процессов, взаимном согласовании между прибрежными государствами гидротехнических и мелиоративных работ, защите ландшафтов и всех их элементов. В отличие от хорошо продуманного правового режима трансграничных вод Европы и Северной Америки правовой режим трансграничных вод между странами СНГ лишь обрисован рамочными соглашениями, не достиг еще «зрелости», в нем еще не получили должного отражения экологические аспекты.

Серьезным препятствием для реализации международных соглашений является геополитическое давление прибрежных государств друг на друга. Фиксируются попытки искусственно передвинуть судоходный фарватер рек, служащий линией государственной границы.

Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук **Б.М. Ашавский** акцентировал внимание на приведении в соответствие законов РФ международным обязательствам, принятым на себя Российской Федерацией.

Так, существует определенное противоречие между Федеральным законом РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г., в котором содержится ряд положений, предусматривающих возможность применения Вооруженными силами РФ оружия и боевой техники в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или в целях пресечения такого террористического акта и протоколом, касающемся изменения Конвенции о международной гражданской авиации (Монреаль, 10 мая 1984 г.), ратифицированном СССР в 1990 г. и вступившем в силу в 1997 г. В Протоколе содержится статья 3 bis, в которой закреплено, что «договаривающиеся государства признают, что каждое государство должно воздерживаться от того, чтобы прибегать к применению оружия против гражданских воздушных судов в полете, и что в случае перехвата не должна ставиться под угрозу жизнь находящихся на борту лиц и безопасность гражданского судна» (п. а).

Таким образом, усматривается противоречие между обязательствами, принятыми на себя СССР и перешедшими затем в порядке правопреемства к Российской Федерации по упомянутому протоколу, и нормами, содержащимися в рассмотренном выше федеральном законе. Противоречие должно решаться в пользу международного договора. Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ, «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Тем не менее, возникает проблема приведения в соответствие упомянутого федерального закона международным обязательствам, принятым на себя Российской Федерацией по рассмотренному протоколу.

Доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук **Н.Е. Тюрина** подняла вопрос о международных договорах в практике разрешения споров во Всемирной торговой организации (ВТО).

Правовой основой для урегулирования споров в рамках ВТО являются преимущественно многосторонние акты, объединенные общим названием «охваченные соглашения» и отвечающие критериям международного договора в понимании Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г.

«Охваченные соглашения» определяют рамки юрисдикции Органа по урегулированию споров (ОРС), но ими не ограничиваются источники, на которые могут ссылаться

стороны спора. Толкование положений «охваченных соглашений» в соответствии со ст. 3.2 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, должно осуществляться в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права. В свои очередь обычные правила толкования предписывают обращение к любым соответствующим нормам международного права. Таким образом, необходимо иметь в виду, что в спорной ситуации любая сторона может опираться не только на положения «охваченных соглашений», но и на весь комплекс международно-правовых норм в той мере, в которой это связано с предметом спора.

Применение норм международного права за пределами «права ВТО» имеет существенное значение для разрешения коллизий между положениями «охваченных соглашений», исключая ГАТТ, а также положениями «охваченных соглашений» и положениями других международных договоров и обычаев. Поскольку специальных правил на этот счет в «охваченных соглашениях» нет, в соответствующих ситуациях с учетом допустимости толкования в соответствии с обычными нормами международного публичного права, должны применяться обычные нормы о разрешении коллизий.

В качестве общего коллизионного правила в международном праве можно рассматривать приоритет норм *jus cogens*. В нескольких «охваченных соглашениях» говорится, что они не препятствуют договаривающимся сторонам предпринимать действия во исполнение обязательств на основании Устава ООН, что является косвенным подтверждением признания указанного приоритета.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Владимирского государственного университета, Муромский институт (филиал) **Н.Н. Штыкова** показала значение внутригосударственного права для реализации международных договоров.

В современном мире интернационализации и глобализации особое значение приобретает национальное законодательство как основа выполнения международных обязательств государства. В России механизм реализации норм международных договоров и включения их в качестве составной части в правовую систему российского государства создан в 1993–1995 гг. Развитие национального законодательства в сфере выполнения взятых на себя государством международных обязательств должно быть связано с принятием изменений в Федеральный закон о международных договорах РФ, имеющих целью построение такой системы нормативно-правовых положений, которые бы эффективно обеспечивали имплементацию норм международных договоров. Необходимо расширить круг официальных источников, в которых, помимо Бюллетеня международных договоров содержались бы не только тексты

международных договоров, но и иная информация международно-правового характера.

Особое внимание необходимо обратить на практику своевременного выполнения российской стороной взятых международных обязательств по имплементации норм тех или иных договоров.

Главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, действительный член Международной академии сравнительного правоведения, доктор юридических наук, профессор **Ю.А. Тихомиров** указал на важность исследования проблемы соотношения международного и национального права, которая является самой крупной проблемой правового развития современного мира. Блок вопросов, обсуждаемых на конференции, является очень важным сегментом этой важной проблемы. Институт в последние десятилетия этим активно занимался. Так, опубликованы монографии «Международное право и национальное законодательство», «Выполнение международных договоров Российской Федерации», «Международно-правовые модели Европейского Союза и Таможенного союза».

Институт законодательства помимо вопросов теории участвует в решении практических проблем, в том числе и в сфере реализации международных договоров.

Например, это касается типологии международных договоров. При рассмотрении этого вопроса традиционно ставится акцент на юрисдикционный механизм. Однако международные договоры охватывают и политическую сферу и иные сферы — оборонную, экологическую, социальную, экономическую. В связи с этим в целях анализа типология международных договоров должна быть расширена. Уже сейчас имеются договоры, которые называют «супердоговорами», за ними «тянутся», так сказать, «субдоговоры» и целая лестница иных актов. В этой сфере велика роль российских федеральных и региональных исполнительных органов. Традиционно международный договор «падает на плечи» уполномоченного органа исполнительной власти. Но имеются и другие субъекты. Например, это — гражданское общество, которое должно быть тоже информировано о реализации международных договоров. Уроки Евросоюза показывают, насколько мощным является голос гражданского общества. А бизнес-структуры? Ведь это по существу сейчас для России должно быть серьезным фактором, влияющим на договорную практику.

Бизнес-структуры в связи с выполнением жестких европейских стандартов реагируют на них по-разному. Ряд бизнес-компаний попали в трудное положение, а должны были к этому готовиться. У нас забыли о том, что есть в России Федеральный закон 2009 г. о регулировании

торговли в Российской Федерации (прим.: Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»). И никто пока не сказал, что что-то делать с этим законом надо. В более широком плане встает вопрос, нужно ли ломать всю систему российского законодательства теперь ради стандартов ВТО?

Ю.А. Тихомиров подчеркнул, что нормативные акты в Российской Федерации, касающиеся международно-правовой сферы, сделаны очень поспешно и очень скупо. Например, это касается потенциала закона о международных договорах. Он действует с 1995 г. Понятно, что он готовился быстро в той ситуации, когда страна приобретала какие-то новые международные очертания. Нужно существенно расширить потенциал Федерального закона о международных договорах. Целесообразно подготовить закон о порядке реализации международно-правовых актов в Российской Федерации. Кроме того, дело нельзя сводить только к юрисдикционным процедурам.

Наконец о содержании п. 4 ст. 15 Конституции РФ. Оно вызывает вопрос: кто определяет, что если международный договор РФ устанавливает «иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»? Какой орган, в какой процедуре, по каким элементам, по каким критериям? Ответа четкого нет. Этот вопрос, вероятно, требует дальнейшей разработки международниками и специалистами национального права. Ю.А. Тихомиров констатировал, что конференция была интересной и продуктивной, и поблагодарил всех, кто вложил усилия в обсуждение и разработку этой темы.

В завершении конференции О.И. Тиунов подвел итоги ее работы. Выступления участников конференции свидетельствуют о возрастающем интересе к исследованию проблем реализации международных договоров, включая вопросы правоприменения, имплементации договоров в законодательство государств, развития законодательства, касающегося процедур введения заключенных договоров в действие и их обеспечения, разрешения коллизий договоров и законов. Научные разработки по этим вопросам способны содействовать формированию такого уровня межгосударственного регулирования, который позволит осуществлять взаимодействие норм международного и внутригосударственного права на подлинно эффективных началах. При этом следует иметь в виду, что нормотворческая деятельность в международной и внутригосударственной сферах в состоянии также опираться на результаты мониторинговой деятельности государства, что существенным образом способно влиять на качество этой деятельности. Однако мониторинг правоприменения в России больше связан с оценкой практики применения законодательства, нежели непосредственно с реализацией международных до-

говоров. В связи с этим, правовой мониторинг как своеобразную базовую технологию необходимо нацеливать на проверку действия международных и внутригосударственных норм в их взаимодействии.

Выступления участников конференции убедительно показали, что в современный период Российская Федерация активно расширяет сотрудничество на международной арене, включая участие в интеграционных процессах. На этой основе заключается значительное количество международных договоров как главных источников международного права. Вместе с тем, в сфере реализации договоров существуют проблемы. В связи с этим целесообразно высказать ряд рекомендаций.

В первую очередь они могут быть обращены к Правительству РФ, которое могло бы выступить с инициативой внесения в Государственную Думу РФ проекта новой редакции Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» направленной на конкретизацию ряда положений, касающихся выполнения международных договоров России. С учетом того, что выполнение международных договоров п. «о» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ отнесено к сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ, необходимо также внести необходимые поправки в законодательные положения о федеральных органах исполнительной власти, и в положения об органах власти субъектов РФ.

В целях эффективного выполнения международных договоров РФ Министерству иностранных дел РФ и Министерству юстиции РФ совместно с научно-исследовательскими учреждениями целесообразно разработать правила методики проведения юридической экспертизы российского законодательства для определения его соответствия международным обязательствам. Необходимо продолжить исследования различных способов имплементации международных договоров РФ и особенностях действия последних в правовой системе России. Также необходима разработка проекта закона «О мониторинге и контроле за выполнением международных договоров Российской Федерации», в котором следует отразить взаимосвязь мониторинга норм международного и внутригосударственного права.

В связи с усложнением деятельности интеграционных объединений на постсоветском пространстве, касающихся развития договорных отношений в рамках СНГ Таможенного Союза, ЕврАзЭС, Единого Экономического пространства (ЕЭП) и других объединений, возможно учреждение на договорной основе интеграционного органа нового типа — Парламента ЕврАзЭС, наделенного надгосударственными функциями, что будет способствовать повышению эффективности указанных объединений и полноценной реализации взятых ими международных обязательств. Кроме того, для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, существен-

ную роль играет разработка критериев вступления ряда государств на договорной основе в Таможенный союз ЕврАзЭС и их вхождение в ЕЭП (Единое экономическое пространство) при условии жесткого соблюдения соответствующих международных договоров, при нарушении которых должны применяться международные санкции. Евразийская экономическая комиссия, заменившая комиссию Таможенного Союза, призвана обеспечить функционирование Таможенного Союза и ЕЭП, т.е. реализовать международные договоры, составляющие правовую базу указанных объединений.

Следует продолжить работу по проведению систематического повышения квалификации государствен-

ных служащих федеральных органов исполнительной власти, деятельность которых связана с разработкой и реализацией международных договоров РФ.

Улучшение качества знаний по международно-правовой проблематике можно осуществить в форме проведения конференций, «круглых столов», семинаров, опубликования соответствующей научной и научно-методической литературы.

Участники конференции сделали интересные, содержательные выступления. Подобные конференции способны развивать теоретические аспекты регулирования сотрудничества государств и обогащать практику применения международных договоров.

Библиографический список:

1. Барчукова Н.К. Договорно-правовое регулирование партнерства и сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией / Н.К. Барчукова // Московский журнал международного права. 1998. № 1. С. 3–11.
2. Витцтум Вольфганг Граф и др. Международное право (перевод с немецкого) М.: Инфотропик Медиа, 2011. 992 с.
3. Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.
4. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (вместе с «Вопросами рыболовства», «Трансграничными месторождениями углеводородов»): подписан в г. Мурманске 15.09.2010 // Бюллетень международных договоров. 2011. № 12. С. 79-85.
5. Договор о Шпицбергене (Подписан в г. Париже 09.02.1920) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 53-61.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
7. О ратификации Договора между РФ и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане: федер. закон от 05.04.2011 № 57-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 апреля.
8. Пашенко О.В. Россия и Европейский Союз: проблемы взаимоотношений / О.В. Пашенко // На рубеже веков. 1998. № 1. С. 14-22.
9. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия: проблемно-тематический сборник / гл. ред. Т.Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 1997.
10. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 8. С. 3-74.

References (transliteration):

1. O ratifikatsii Dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Korolevstvom Norvegiya o razgranichenii morskikh prostranstv i sotrudnichestve v Barentsevom more i Severnom Ledovitom okeane: feder. zakon ot 05.04.2011 № 57-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2011. 8 aprelya.
2. Pashchenko, O.V. Rossiya i Yevropeyskiy Soyuz: problemy vzaimootnosheniy / O.V. Pashchenko // Na rubezhe vekov. 1998. № 1. S. 14-22.
3. Razvitiye integratsionnykh protsessov v Yevrope i Rossiya: problemno-tematicheskii sbornik / Gl. red. T.G. Parkhalina. M.: INION RAN, 1997.
4. Vittstum Vol'fgang Graf i dr. Mezhdunarodnoye pravo (perevod s nemetskogo) M.: Infotropik Media, 2011. 992 s.
5. Barchukova N.K. Dogovorno-pravovoye regulirovaniye partnerstva i sotrudnichestva mezhdru Yevropeyskim Soyuzom i Rossiyskoy Federatsiyey / N.K. Barchukova // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1998. № 1. S. 3-11.